

- Екатерина Ильинична, в начале разговора мне хочется спросить вас о сфере вашей жизни. У вас такая известная фамилия...

- Знаете, сначала я не хотела брать ни фамилию отца, ни фамилию матери, была такой самостоятельной... Но они обиделись: "У тебя есть фамилия!"... Да, я родилась от мхатовцев второго поколения. Мама моя, Клавдия Николаевна Еланская, была необыкновенной красоты женщина, актриса громадного таланта и обаяния. Я помню, когда она играла в "Грозе", я, завернувшись в занавес за кулисами, заливалась слезами... У нее был необыкновенный тембр голоса, который покорял зрителей.

- А ваш отец, Илья Яковлевич Судаков, был известным режиссером, и в последней книге Виталия Вульфа я прочла, что, когда Станиславский был в Покровском-Стрешневе на положении санаторного больного, а Немирович-Данченко жил в Берлине, управлял театром именно Илья Судаков. Но бешеная энергия вынесла его за пределы МХАТа, и по рекомендации того же Немировича он возглавил Малый театр...

- Да, но биография отца была очень сложной. Он не угодил Сталину в трактовке образа Ивана Грозного, не сделал его похожим на Иосифа Виссарионовича, и в итоге появилась разгромная статья в "Правде": режиссер Судаков неправильно ведет талантливый коллектив Малого театра... Как обычно, без подписи. Отцу пришлось уйти. Это было большим ударом для него, для всей нашей семьи. Его инсульт был следствием этой травмы. Последние 17 лет он прожил инвалидом.

- Прошло много лет, и я могу, наверное, сейчас спросить вас... Мне рассказывали, Сталин был неравнодушен к вашей маме?

- В нашей семье об этом не говорили. Я знаю только, что он много раз смотрел "Дни Турбиных" в постановке отца, где играла мама. Но там также играли Андровская, Тарасова, Соколова.

- Ваши родители хотели, чтобы вы работали в театре?

- Отец всегда был уверен, что я буду актрисой. Он считал, что это у меня от Бога. Мама сначала сопротивлялась, но когда в 13 лет я ей прочитала "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...", она сказала, что боль-

Сфера Екатерины Еланской

Когда идешь в этот театр, приходится преодолевать ямы, грязные лужи, какие-то доски, и все это в полной темноте и с одной-единственной мыслью: "Неужели, кроме тебя, еще кто-нибудь решится проделать этот путь?..." Но, подойдя к театру "Сфера", я увидела плотную очередь за билетами, оставшимися от брони. Зал был полон, даже принесли дополнительно стулья. И так каждый вечер, что бы ни шло - "Лолита" ли Набокова, "Доктор Живаго" ли Пастернака, "Театральный роман" ли Булгакова - в "Сфере" у Екатерины ЕЛАНСКОЙ.

ше не будет меня отговаривать.

- Сейчас вы главный режиссер, но сначала ведь были актрисой?

- Я заканчивала школу-студию МХАТ, работала в Малом, в Театре Маяковского, и везде была в конфликте с режиссером, потому что все спектакли видела по-своему. Наконец поняла, что надо менять профессию, пошла в ГИТИС, закончила аспирантуру и начала ставить сама. Когда я играла на обычной сцене, меня тяготило, что не вижу людей в зале. Меня все время туда тянуло, а передо мной зияла черная дыра. И я разлюбила традиционный театр, разделенный на сцену и зрительный зал, создала другое пространство, единое.

- Вы как-то сказали, что вы поклонница Мейерхольда?

- Такой вот парадокс: чистокровная мхатовка заболела мейерхольдовскими идеями. Я считаю, что он показал наиболее верные пути развития живого театра... Все возможно в искусстве, важно, как это сделано. Мне вспоминается, как еще в доперестроечные времена я попыталась перевести чеховскую "Чайку" на абстрактный язык. В моем спектакле было три Нины - три девочки в белом, олицетворяющие мечту. Одна - ребенок, другая - женщина, третья - пацан... И в конце появлялась Нина-старуха. Аркадиных тоже было несколько, и образовывалась такая полифония: три Нины звучали, как скрипки, а Аркадины - как виолончель. Ну и что?.. В "Правде" появился целый разгромный "подвал": "О чем кричит "Чайка"?". У спектакля было много поклонников, редакцию завалили письмами с протестами, но все равно я очень переживала за свою "Чайку". Сейчас, к счастью, другое время, и можно сделать абсолютно все, что задумал.

- Ваш театр похож на маленький Колизей. В центре - площадка-сцена, а вокруг амфи-

театром расходятся зрительские кресла. Это не случайно?

- Это похоже на сферу, а сфера - это истоки театра. Театр греческий и театр Шекспира имели форму сферы. Только потом появился театр куба, у которого как бы снята одна стенка, куда и подсматривает зритель. В моем театре сфера обволакивает актера и зрителя, собирает нас вместе. А это и есть основа живого театра, то, собственно, чем он отличается от кино и телевидения.

- Почти все спектакли репертуара - ваши инсценировки?

- Да, этим я все время занимаюсь, потому что незатрепанной драматургии очень мало. А путь перевода прозы на язык театра, создание сценария - это очень интересно. Мы ведь впитали в себя опыт кино и телевидения, поэтому сценарный ход нам ближе, чем фундаментальная пьеса.

- Но у вас ведь есть и оригинальная пьеса?

- Это было давно... Я опубликовала свою пьесу под псевдонимом "Щеглов".

- Щеглов - потому, что ваш муж, известный актер, а ныне директор Малого, - Коршунов?

- Нет, потому, что Булгаков в "Театральном романе" вывел моего отца под фамилией Стриж. Стриж - это Судаков, он очень узнаваем - с его энергией, с его неукротимостью... Правда, это шарж, но это был он. Так что мой отец - Стриж, а я - Щеглов...

- Недавно я видела ваш спектакль "Доктор Живаго", и в заглавной роли выступал ваш сын Александр Коршунов. Играл блестяще, тонкий, нервный актер, знающий суть роли... Трудно вам с ним работать?.. Ведь он ваш сын.

- У меня сын идеальный. Как... как Иисус Христос. Я не знаю, в кого это существо... С ним нет никаких трудностей. Он меня абсолютно понимает.

- Вы его строго воспитывали?

- Нет, я его вообще не воспитывала. С ним очень много занимались моя мама и тетка, любили его и вложили много настоящего. А остальная наша труппа состоит из выпускников театральных вузов Москвы, Петербурга, Ярославля. Труппа небольшая, всего 30 человек, но мы еще приглашаем близких нам актеров из других театров.

- Как вы думаете, где легче играть актерам - в вашем театре или в традиционном?

- Все зависит от самого актера. Я сейчас только режиссер, но мне иногда приходится заменять заболевших актеров. Был такой случай. Шел спектакль "Письма к незнакомке" по Андрею Моруа и Альберто Моравиа. Я ставила этот спектакль и знала все наизусть. Но в первый момент, когда вышла на сцену, почувствовала себя... ну, скажем, не в своей тарелке. Как вы думаете, чем я спаслась? Взглянула в глаза одному зрителю, потом другому... И мне стало легко, мое смущение, нерв, зажим - все куда-то ушло. "Чего же я волнуюсь, - подумала, я же знаю, о чем говорить! Вокруг меня сидят люди, и я с ними разговариваю..." Мне стало легко, моя "Сфера" спасла меня. То же мне говорил и Евгений Весник. Он актер со стажем, но очень легко работает в нашей форме. А вот Екатерина Васильева играла замечательно, но после спектакля начала стонать и ахать, что это очень тяжело - к каждому зрителю пробиваться, в каждые глаза заглядывать... А иначе - уйди, форма такая. В обычном театре у актера партнеры - только актеры, а здесь весь зрительный зал - партнер.

- Какой театр - ваш любимый?

- Конечно, "Сфера". Я не могу любить другой. Мы ведь особенные, резко отличаемся от всех остальных. Любить другой театр - это для меня означало бы как... как быть христианином, а любить язычество или, скорее, наоборот, быть язычником, а любить христианство. Наш театр для меня как грудной ребенок, которого нельзя оставить. Вся моя жизнь - здесь. Правда, сейчас этот ребенок уже подрос, в этом году "Сфере" исполнилось 15 лет.

Елена СТАРКОВА